

Реполитизация религии и ее последствия

Религия, являясь частью современного динамично развивающегося и меняющегося общества, не могла остаться в стороне от происходящих внутри этого общества изменений. В свою очередь изменение роли и места религии в обществе тоже не осталось без внимания. В статье предпринимается попытка представить и зафиксировать некоторые мнения, существующие в западном религиоведении и касающиеся проблем популяризации религии и связанных с этим процессом последствий.

Modern society develops and changes in dynamic and religion changes along with the society. It became clear that Religious Studies couldn't ignore that fact anymore and should follow the subject of research and come to the public sphere. The article tries to represent some ideas concerning the problems of popularization of religion and the consequences of that process.

Интерес к религии, независимо от того, является ли она в нашем представлении или представлении общества «не чем иным, как фантастическим отражением внешних сил, господствующих в повседневной жизни»¹ или «жизнь нас в Боге или Бога в нас»², неизбывен. Однако популярность этой темы не гарантирует такой же популярности тем, кто избрал ее в качестве своего профессионального интереса, так же как и не гарантирует востребованности и общественного признания. Естественно, что такое положение вещей не могло более продолжаться. В настоящий момент мы можем отметить тенденцию популяризировать религиоведение. Подобные стремления характерны не только для западных, но и для отечественных исследователей, хотя и в меньшей степени. Под популяризацией в данном случае мы понимаем следующее: во-первых, стремление религиоведа обращаться к актуальным и современным проблемам, во-вторых, участие специалистов в области религиоведения в публичных дискуссиях и, в-третьих, следующее из второго пункта, использование мнения квалифицированных специалистов при решении каких-либо вопросов, связанных с функционированием религии в государстве, обществе etc.

Мы можем наблюдать, как некоторые современные исследователи религии становятся публичными фигурами, экспертами, консультирующими широкую общественность по вопросам, связанным с религией. И хотя таких примеров не очень много в настоящий момент, тем не менее, тенденция все же наметилась. Дональд Вибе³, к примеру, предлагает религиоведам не запереться у себя в кабинетах, а принимать активное участие в публичных дискуссиях, появляться на телевидении, радио etc. Все эти попытки призвать религиоведов к более активному участию в жизни общества и представлять собственное мнение являются, на наш взгляд, одним из следствий реполитизации религии.

Тим Йенсен называет реполитизацией религии феномен широкого обсуждения в СМИ вопросов, связанных с религиозной тематикой. Здесь очень важно отметить, что в контексте лекции Т. Йенсена⁴ реполитизация не является очередным этапом политизации, если мы под политизацией понимаем сра-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20.С.328.

² См.: Флоренский П. А. Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги «О Духовной Истине» // Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М.,1990. Т I(II). С.818.

³ См.: Wiebe D. Why the academic study of religion? // Secular theories on religion. Museum Tusulanum Press, 2000.

⁴ Лекция Т. Йенсена в Южно-Датском университете. Июнь 2009.

щивание религиозной сферы жизни общества и политической или взаимное проникновение и взаимовлияние религиозных представлений и политической идеологии. Реполитизация - это реакция на изменения отношений между религией и обществом, произошедшие в результате деятельности Мартина Лютера. Как известно, с возникновением и распространением протестантизма вопросы веры и религии уходят из публичной жизни человека и становятся частью его личной жизни. Другими словами, реполитизация – это возвращение религии в публичную сферу, определенный этап развития общества, на котором религия перестает быть частью интимной и сокровенной жизни отдельного человека и снова становится частью жизни общества. В современном мире религия становится таковой благодаря и при помощи средств массовой информации. Очевидно, что СМИ достаточно много внимания уделяют вопросам и проблемам, связанным с религией, достаточно охотно публикуют материалы с подобной тематикой.

Итак, можно выделить следующие последствия реполитизации: во-первых, и это, как утверждает Т. Йенсен, возвращение религии в пространство публичных дискуссий и, соответственно, возможность открыто обсуждать многие проблемы и находить компромиссы и, таким образом, открывающиеся новые перспективы диалога. Безусловно, отрицательным моментом такой открытости и общедоступности религиозной тематики являются разного рода спекуляции на эти темы, ангажированность позиций и многое другое. Во избежание подобных ситуаций и для уменьшения этого негативного элемента Т. Йенсен предлагает упорядочить то, что уже вынесено на обсуждение или представлено как утверждение, не требующее дискуссий, в средствах массовой информации. И задача по упорядочиванию этих беспорядков в медийном пространстве возлагается на религиоведа.

Во-вторых, усиление роли религии в обществе. Религия не просто превращается в предмет дискуссий, но она начинает вмешиваться и оказывать воздействие на те процессы, которые протекают в этом обществе. Имея такой инструмент манипуляции как СМИ, она более активно формирует общественное сознание и поведение. Следует отметить, что общественность, чье мнение стремятся учитывать СМИ, проявляет наибольший интерес к достаточно узкой области религиозных исследований. Как правило, к этой области относятся вопросы взаимодействия религии и власти, статус религии в государстве, деятельность религиозных организаций, сосуществование нескольких конфессий на территории одного государства etc.

В-третьих, изменение роли и места религиоведа и тех задач, которые он вынужден решать. Безусловно, в подобной ситуации, когда религия и связанные с ней вопросы вновь возвращаются в сферу интересов общества, религиовед не может оставаться в стороне, религиоведение не может игнорировать изменившееся общественное отношение к религии и ее месту в этом обществе. Таким образом, принимая этот вызов, религиовед оказывается вовлеченным в публичные дискуссии, и СМИ, в некотором смысле, навязывают ему сферу интересов. Еще одной стороной, участвующей и заинтересованной в дискуссиях, связанных с вопросами религии, безусловно, являются религиозные организации и организации, претендующие на то, чтобы считаться таковыми. Преследуя собственные интересы, они также вносят свою лепту в формирование современной религиозной картины, обостряя уже существующие проблемы и привнося новые. Если мы последуем утверждениям Т. Йенсена о том, что религиовед не может игнорировать изучение современного состояния религии, мы, таким образом, придем к ситуации, когда религиовед, обратившийся к актуальным и современным ему проблемам, сталкивается не только с массой явлений, имеющих квазирелигиозный характер, но и с множеством организаций,

оспаривающих право называться религиозными, предлагающих собственное определение религии и критерии ее демаркации. При этом религиоведу следует не просто изучать и описывать современные процессы, происходящие в религиозной сфере жизни общества, но и активно влиять на них. И снова религиовед в результате такого взаимодействия или противодействия религиозным или квазирелигиозным группам, общинам, организациям остается внутри определенной ограниченной области религиоведения.

Поскольку, как уже было отмечено, западное религиоведение вслед за предметом своего изучения поставило своей задачей выйти в публичную сферу, религиоведы оказываются в несколько иных и, возможно, непривычных для себя условиях. В сложившихся обстоятельствах перед каждым религиоведом возникает необходимость вернуться и пересмотреть проблему определения религии, возможно, по-новому оценить место и значение этой проблемы для религиоведения. Здесь мы, безусловно, не намерены говорить об изживших себя попытках найти какое-то конечное и исчерпывающее определение. Впрочем, вероятно, в качестве справки стоит упомянуть о том, что на данном этапе развития религиоведения тезис об отсутствии и невозможности продуцирования единственно верного или истинного определения религии общепризнан в силу гетерогенности содержания этого понятия. Хотелось бы акцентировать внимание на том, каким образом ситуация, сложившаяся в этой области знаний под влиянием идей постмодернизма и, как нам представляется, стремления к публичности, ограничивает или, возможно, напротив, снимает всякие ограничения с исследователя в решении вопроса о том, что такое религия и как ее можно определить. Важно отметить, что в условиях сложившейся ситуации мы можем говорить о частной потребности религиоведа, занимающегося изучением современной ситуации и тех процессов, которые происходят в современном обществе и сталкивающегося с достаточно спорными феноменами, определить область своего исследования. Возвращаясь к участию в публичных дискуссиях, безусловно, религиоведу нужно определить для себя основные понятия, ограничить поле дискуссии. Кроме того, мы также можем говорить и о потребности общества в каком-то определении, которым оно будет руководствоваться в своих решениях, и о тех ожиданиях, которые это общество возлагает на религиоведа, в случае если он берет на себя ответственность выступать экспертом в разрешении спорных вопросов, связанных с религией. С точки зрения западных исследователей и, в частности, Т. Йенсена, религиовед способен удовлетворить потребности государства (и общества) в определении и классификации феноменов общественной жизни, имеющих религиозный характер, и его мнение может быть востребовано, но с определенными оговорками, о которых мы скажем ниже. Если мы говорим о функционировании религиоведа в обществе, то он должен уметь отделить зерна от плевел, но при этом следует помнить, что в его компетенцию не входит вынесение оценочных суждений.

Таким образом, мы можем усмотреть в современном религиоведении два уровня: академический и общественный. На академическом уровне проблема определения религии актуальна и животрепещуща, ведутся споры и дискуссии о том, какое определение более адекватно или приемлемо, приумножающие уже существующие. На общественном уровне проблема стоит иначе, обществу нужно определение, но оно заинтересовано не столько в истинности, полноте etc, этого определения, сколько в его практической ценности.

Однако не все современные исследователи считают проблему определения религии актуальной. Здесь мне представляется необходимым упомянуть наиболее известного исследователя, придерживающегося подобных взглядов –

Тимоти Фитцджеральда⁵. Т. Фитцджеральд утверждает, что по ряду причин определить религию невозможно, заниматься этим не следует и, более того, вне теологического контекста термина «религия» нет.

Более сдержано о проблеме определения религии высказывается Массимо Интровиньо⁶. В своей статье «Religion as claim» он переносит акцент с дискуссии по поводу определения религии, разворачивающейся скорее в терминологическом ракурсе, на проблему практической потребности общества и исследователя в таком понятии и термине как «религия» и необходимости определения того, что может считаться содержанием этого понятия. По словам М. Интровиньо, религиовед в обществе может и должен решать ряд проблем, затрагивающих отношения религии и государства. Однако М. Интровиньо оговаривает, что религиовед не может переступить в своей общественной деятельности некоторые границы.

Религиовед, к примеру, может пресекать спорные ситуации, объясняя государственным и общественным лицам и институтам, что нет единственно верного или истинного определения религии, но есть более полезные и адекватные ситуации и есть менее полезные и менее адекватные. Кроме того, он может указывать обществу и масс-медиа на бессодержательные и пустые определения религии, использование которых может привести к ошибкам и заблуждениям. Наконец, религиовед может более трезво оценить мотивы той или иной организации в ее стремлении получить в государстве статус организации религиозной. При этом М. Интровиньо говорит о том, что для разрешения каких-то конфликтных ситуаций, возникающих в обществе и связанных с функционированием религии, не стоит обращаться к религиоведу с вопросом что такое «религия». И религиовед, в свою очередь, не должен предлагать свое определение в случае, если к нему обратятся за консультацией. С точки зрения автора, в компетенцию религиоведа, как публичной фигуры, участвующей в жизни общества и государства, входит лишь ответ на вопрос, подходит ли та или иная группа под то определение, которое уже выбрано из множества существующих и которым руководствуется обратившаяся к нему организация, инстанция, институт etc. Более того, в задачи религиоведа не входит выносить оценочное суждение о пользе того или иного определения, его задача – оценить насколько выбранное определение соответствует желаемым результатам.

Таким образом, то, как видит М. Интровиньо роль религиоведа в обществе, подводит нас к мысли о том, что проблема определения религии не является первоочередной задачей. Другими словами, религиовед не нуждается в определении религии и не формулирует такого определения, которое предполагало бы какие-то критерии для демаркации, он просто работает с тем, что есть, и пытается маневрировать. Решение довольно простое: в рамках нашего исследования или в связи с нашими задачами мы будем называть религией то, что является объектом нашего изучения или рассмотрения, или то, что отвечает нашим сегодняшним потребностям. Кроме простоты и ясности, которые такой подход придает исследованию, из отрицательных сторон можно указать на невозможность коммуникации между отдельно взятыми исследователями.

М. Интровиньо считает религию политическим инструментом. Он отмечает тот факт, что практически у каждого религиоведа есть свое представление о том наборе критериев, которым должно соответствовать некое явление духовной или познавательной жизни человека, претендующее на статус религии. Однако такой плюрализм мнений по вопросу религии не представляет

⁵ См.: Fitzgerald T. The ideology of religious studies. Oxford Univ. Press, 2000

⁶ См.: Introvigne M. Religion as claim //The pragmatics of defining religion. Brill,1999, pp. 41-71

пользы для жизни общества. Попытка религиоведов определить религию ставит своей целью решение не столько практических, сколько когнитивных проблем. В то время, как религия является не просто неотъемлемой частью жизни общества, она зачастую является проблемной ее частью, религиоведы лишь множат определения и критерии демаркации, не имеющие непосредственного отношения к насущным потребностям социума.

На наш взгляд, реполитизация еще больше заостряет проблему, создавая условия и место для приумножения терминов и понятий. И эта проблема еще больше усугубляется тем фактом, что современное общество тяготеет к смешению и подмене понятий. Результаты этого смешения мы можем наблюдать на страницах газет. Это ситуация, которую описывает в своей статье и на которую практически между строк сетует М. Интровиньо.

Тем не менее, если есть спрос, будет и предложение. Необходимость адаптации не только новых религиозных феноменов, но и уже сложившихся традиций к меняющимся условиям современного мира породили такое явление как этно-определение религии. Этно-определение – это определение, выбранное из многих доступных в определенный момент и в определенных условиях с целью обосновать или опровергнуть претензии той или иной группы или организации на то, чтобы считаться религиозной. М. Интровиньо указывает на то, что такого рода определение представляет собой социальную конструкцию, появившуюся в результате столкновения интересов различных конкурирующих групп. Этно-определение всегда ориентировано на определенный, как правило, практический результат, на решение вполне конкретных задач, как то политических, социальных, налоговых etc. Подобное определение не может иметь устойчивый характер, оно всегда находится в живой взаимосвязи с обществом и его интересам, а потому может меняться в интересах той или иной группы.

Следует отметить, что не всех устроил подходы, которые предлагают М. Интровиньо или Т. Фитцджеральд. Некоторые современные религиоведы высказываются в защиту определения религии и существования этого понятия в терминологии религиоведа.

В частности, иной взгляд на проблему определения религии и функции религиоведа в обществе представлен в статье Ивана Стренски⁷ «On religion and its despisers». И. Стренски ссылается и полемизирует, прежде всего, с Тимоти Фитцджеральдом. Однако, на наш взгляд, сравнить позицию И. Стренски и те аргументы, которые он выдвигает за необходимость определять понятие «религии», с той позицией, которой придерживается М. Интровиньо, представляется достаточно интересным потому, что оба исследователя могут быть рассмотрены как оппоненты Т. Фитцджеральда.

Полемизируя с некоторыми представителями Североамериканской ассоциации изучения религии, в частности с уже упомянутым Тимоти Фитцджеральдом, а так же с Расселом Маккатчеоном, Иван Стренски выдвигает следующие аргументы:

- 1) религия является понятием «cultural a priori»;
- 2) термин «религия» полезен в изучении религии;
- 3) теологические страхи и прочие скрытые мотивы преувеличены.

Остановимся на этих аргументах подробнее. Культурная априорность понятия религии, как объясняет это сам И. Стренски, заключается в общепризнанности или скорее общедоступности понимания того, что может называться

⁷ См.: Strenski I. On religion and its despisers. //What is religion? Origins, definitions, and explanations. Brill, 1998. P. 113-132.

словом «религия». Наша культура и цивилизация представляет собой результат исторического развития и формирования понятий, которые, в свою очередь, являются результатом нашего выбора в пользу чего-то или, наоборот, нашего отказа от чего-то. Человеку, живущему в современном мире, не требуется экспертное мнение для того, чтобы знать, что такое «язык», «искусство», «политика», «экономика». Каждый человек способен самостоятельно, основываясь на собственном жизненном опыте, определить, что каждое из этих понятий обозначает.

Иван Стренски отмечает, что понятие «религия» не такое пустое и бессмысленное, а потому бесполезное, как это хочет представить Т. Фитцджеральд. По мнению И. Стренски, это понятие относится к той же категории понятий, что и искусство, экономика etc. Так же, как искусством мы называем весьма широкий и разнообразный спектр явлений, термин «религия» применяется для обозначения обширного ряда явлений. При этом у нас нет определенного предмета, который носил бы название «религия», так же как нет и подобных конкретных предметов, носящих название «искусство», «экономика», «литература» etc., но это не является поводом не употреблять эти названия. И, безусловно, беспочвенны страхи Т. Фитцджеральда, считающего, что термин «религия» несет какие-то скрытые смыслы. И. Стренски говорит о том, что современное религиоведение не зависит от теологии.

В принципе, остаются неясными основания для полемики и споров между этими позициями. И те, и другие признают невозможность найти или выработать конечное определение религии, объясняющее, что именно есть религия. На наш взгляд, это похоже на ситуацию, в которой никто уже не заинтересован в поиске образца и эталона того, что может быть названо религией, потому что все уже признали, что его нет. Остается нерешенным только вопрос о том, оставить ли этот термин и как ограничить ту область явлений, к которой он мог бы быть применим. Как нам кажется, реполитизация привела к пересмотру положения религиоведа в обществе, наиболее ярко выразившемуся в разделении его религиоведческой деятельности на академическую и общественную. При этом существующая уже на протяжении долгого периода времени в религиоведении проблема определения религии хоть и актуализируется в результате реполитизации, никакого нового решения или подхода она в рамках этого процесса не получает.